

BOL'SHAKOVA Yuliya Mikhailovna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Chair of State and Municipal Administration, Komi Republican Academy of Public Administration and Management (11 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167000; academy.prof.com@gmail.com)

FROM STATE SERVICE TO THE INSTITUTE OF PUBLIC SERVICES: TO THE SOCIOLOGY OF MODERN PUBLIC MANAGEMENT

Abstract. *The article considers the following main problems and the contradictions that arise in the process of the institutionalization of public service: the contradiction between the formal character of the institution of public services and the requirement of informality of the service; the contradiction between the monopolistic nature of the production of public services and the requirement of client orientation; the problem of maintaining a consensus between the producer and consumer of public services in a constantly changing external environment; the problem of managing the import of a service model in conditions of catching up modernization. These problems should be solved basing on the application of the principles of sociology of management.*

Keywords: *state service, public service, transactional service, institutionalization of public service, patronage-service model of state, friendly service interface*

БАЛАБАЙ Светлана Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89; narrativ63@mail.ru)

АБУБИКЕРОВА Эльмира Фаритовна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории, философии, политологии и социологии Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89)

РОСТ ВЛИЯНИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН

Аннотация. *В статье рассматривается социокультурный анализ феномена власти в контексте модусов времени, являющихся измерением общественного сознания. Взаимодействие власти и социума рассматривается в контексте иерархии форм общественного сознания. Авторы отмечают возрастание роли обыденного сознания в современной России. Это обеспечивает гибкое приспособление к обстоятельствам жизни, но существенно снижает рациональность политического поведения.*

Ключевые слова: *политическая власть, общественное сознание, социокультурный анализ, базовые ценности, политическое поведение*

Результаты прошедших выборов президента России вызвали некоторый шок у либеральной общественности. Для многих оппозиционных политиков и публицистов сверхвысокий процент голосов, полученный В.В. Путиным, никак не стыковался с низкими социально-экономическими показателями развития страны, ее внешнеполитической изоляцией и очевидным недоверием населения ко всей системе власти. При этом оппозиция не смогла обнаружить фальсификаций, существенным образом повлиявших на итоги выборов. Объяснить данный феномен, исходя только из анализа политической повседневности,

вряд ли возможно. Необходимо обращение к глубинным основаниям взаимодействия власти и общества.

Рассматривая феномен политической власти, мы прежде всего должны определить предпосылки и условия, которые делают возможным существование данного явления как устойчивой общественной практики. Другими словами, речь идет не об эпизодическом навязывании индивидом своей воли другому индивиду (или нескольким), а о системе отношений, опосредующих важнейшие функции социального организма. В этом случае политическая власть предстает как институт, включающий в себя скрытые и само собой разумеющиеся правила мышления и поведения, которые и делают возможным массовое и в большинстве случаев добровольное подчинение. Именно последнее представляет собой фундамент власти, скрытую часть айсберга, а не его вершину — конкретные акты поощрения и наказания.

Политическое действие по сути своей — творческий акт, требующий мобилизации власти через применение силы. Но насилие — крайний случай, а нормальная ситуация предполагает обеспечение готовности к исполнению решений. Санкции как таковые применяются носителями власти периодически в случае отклонения от принятого образца поведения, и их значение состоит в большей степени в укреплении соответствующего шаблона (пример другим), чем в воздействии на конкретного индивида или группу. Не осуществление санкций, а угроза или перспектива их применения составляет подлинное искусство власти, ибо маскирует недостаток ресурсов для непрерывного давления на объект подчинения. Получается так, что существенная часть механизма господства находится внутри сознания подчиняющихся и базируется на опыте прошлого и ожиданиях будущего в случае того или иного поведения. «Поэтому совершенно естественным выглядит апелляция власти к прошлому (в целях легитимации своего положения) и обращение к будущему для оправдания своей политики в настоящем» [Балабай, Ежов 2017: 177]. Модусы времени в данном случае представляют собой измерения общественного сознания, которое расширяет временные границы сознания индивидов. В таком контексте власти отношения следует рассматривать сквозь призму времени культуры, актуальным носителем которого выступают формы общественного сознания, содержащие в себе информационные компоненты в качестве детерминантов привычного поведения господства — подчинения.

Если рассматривать взаимодействие власти и общества в этом дискурсе социокультурного анализа, мы, как отмечал Ю.А. Левада, «должны взять в качестве детерминирующих временные соотношения (т.е., по существу, соотношения и взаимодействие культурных пластов)» [Левада 1993: 44]. Данные пласты социокультурного времени отличаются как предметом (содержанием), так и способами фиксации культуры (нормативно-ценностными или инструментальными). Ю.А. Левада выделял временные типы социокультурного пространства-времени по способу фиксации культурной полихронии.

В контексте данного подхода при изучении механизмов власти целесообразно сосредоточить внимание на содержательном разнообразии культурных пластов, которые выступают как срезы времени тела культуры. А именно культура (в широком смысле) в значительной мере детерминирует эффективность воздействия тех или иных властных механизмов. Условием выживания культуры выступает ее способность реагировать на время, т.е. осваивать его и даже конструировать. Данная способность опосредованно проявляется в соответствующих формах общественного сознания. Именно структура последних репрезентирует мир значений, составляющий основу бытия культуры во времени. Это характерно в т.ч. и для взаимоотношений власти и социума. Политические

ценности живут только тогда, «когда они реально вдохновляют людей и определяют их жизнь» [Демидова, Николаев 2016: 19].

Принято выделять четыре основные формы общественного сознания, которые можно, по нашему мнению, отождествлять с напластованиями времени в культуре. Это обыденно-бытовое сознание, искусство, религия и наука. Данные формы можно рассматривать как в диахронном аспекте, так и в плане синхронного существования в культуре. Первое означает рассмотрение последовательности возникновения и периодов относительного доминирования того или иного способа освоения времени, опосредованного соответствующей формой сознания. Второе предполагает выявление иерархии сосуществования указанных форм в рамках пространства-времени конкретной культуры. Второй аспект означает, что в рамках конкретного политического режима взаимодействуют все четыре формы, и вопрос состоит в том, как власть выстраивает их иерархию для обеспечения собственной легитимности. При этом далеко не во всех современных государствах эта иерархия соответствует диахронному аспекту.

Обыденно-типовое сознание – древнейшее и вместе с тем фундаментальное образование. Его огромное преимущество в том, что это сознание повседневности, отражающее в себе непосредственно практический опыт жизни человека. Но в этом кроется и недостаток данного способа освоения времени: приспособление осуществляется пассивно, и сознание становится практически калькой того качества времени, в котором существует человек и общество. Кроме того, такая форма сознания – вынужденно-ситуативная, что обеспечивает гибкую адаптацию к существующим обстоятельствам, но и ограничивает временной горизонт. Если для индивида это не так страшно, то для общества, в котором доминирует подобного рода форма сознания, последствия могут быть весьма печальными, т.к. в результате снижается потенциал конструктивного отношения к времени, и социальная система становится внешне зависимой и, как следствие, уязвимой. Такое состояние было характерно для раннепервобытного общества, когда объем и глубина социальной памяти были невелики, а алгоритмы освоения времени имели ограниченную перспективу как в отношении прошлого, так и будущего. В этом случае возможности культуры как аккумулятора времени оказываются резко сниженными.

В период доминирования искусства адаптационный потенциал культуры значительно возрастает, т.к. на базе образно-мифологического мышления развиваются вторично моделирующие системы, имеющие многомерную временную размерность, определяемую знаково-символической конструкцией языка искусства. Данная форма позволяла вести субъект-субъектный диалог со временем, но была ограничена в своих возможностях принципом подобия (античный мимезис), который диктовал необходимость подражания внешнему образцу. Иначе говоря, адаптация ко времени достигалась за счет внутреннего измерения субъекта и имела по существу пассивный характер в контексте объективного времени природно-социального космоса.

Расцвет религиозного сознания ознаменовал собой распространение глобальных эсхатологических концепций, которые темпорализировали культуру средневекового общества. Собственно история и историческое сознание начинаются как религиозная история. Человек получил большие возможности, чем в контексте искусства, для освоения времени. Однако конструктивное отношение ко времени всегда ограничено религиозным канонам, авторитетом бога и его заместителей на земле. Средневековому религиозному мышлению изначально была присуща двойственность и парадоксальность «в силу того, что оно разрывалось между сферами божественного и человеческого» [Балабай 1990:

14]. В конечном счете, творчество по отношению ко времени в религиозном сознании отсутствует, т.к. человек реализует волю и план бога.

Иное дело — научное сознание, которое не только познает законы времени, но и творит последнее, причем в реально-объективных формах окружающего нас мира. Наука буквально конструирует процессы и пытается управлять последовательностями явлений и событий. Хотя ее возможности в этом по-прежнему ограничены, сама суть данного способа бытия является принципиально иной, чем в обыденном сознании, искусстве и религии.

Наука — это активное приспособление общества к времени, возвращение времени его целостности за счет актуализации в настоящем аккумулированного прошлого и будущего. Это своего рода символический аналог вечности, которая предполагает сосуществование прошлого, настоящего и будущего в рамках наличного данного бытия. Однако классическая наука имела дело с так называемыми правильными процессами, где время обратимо, и доступна его геометрия. Это, по сути, означало элиминацию времени.

Когда наука столкнулась с процессами «неправильными», где доминирует необратимость и сложность, то возникли затруднения теоретического и практического характера. В результате статус науки и научного сознания в обществе понизился, и другие формы общественного сознания стали выдвигаться на первый план. В современной культуре представлены все формы общественного сознания, они взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга, но доминирующее положение занимает какая-либо одна форма. Это определяет место общества, его господствующий тип взаимодействия со временем.

С одной стороны, в современном обществе, так же как и в советский период, когда «правительство отводило важную роль науке», которая «должна была решить многие насущные вопросы в хозяйственной сфере, помочь развитию производственных сил» [Абубикерова 2013: 34], очевидно повышение роли науки: все признают пользу результатов научной деятельности, постоянно увеличивается число ученых во всем мире, и можно говорить даже о массовизации науки в связи с повышением уровня образования и степени интеллектуализации труда. С другой стороны, пропасть между интеллектуальной элитой и обществом растет, и это позволяет периодически появляться концепциям о наступлении эпохи меритократии (власти интеллекта). Определенные основания для таких суждений имеются, т.к. ни одно серьезное решение не принимается в большинстве стран без участия ученых-экспертов. Однако государство меритократии в настоящее время остается такой же утопией, как и идеальное государство Платона, две с половиной тысячи лет назад мечтавшего о том, чтобы обществом руководили философы и ученые. «Революция экспертов» является таким же мифом, как и «революция менеджеров» во времена концепции народного капитализма. Власть по-прежнему находится в руках бюрократов и капитала, а дискурс науки выступает лишь как один из ресурсов господства и управления.

Ситуация углубляется еще и тем, что современные процессы глобализации интегрируются в складывающуюся мировую культуру общества, в которых наука как форма общественного сознания никогда не занимала господствующее положение. Например, взрыв религиозного экстремизма можно объяснить тем, что страны и социальные группы, не имевшие развитого научного сознания, отвечают на вызовы времени, используя тот культурный потенциал, который у них есть. Еще бóльшую угрозу представляет процесс расширения сферы влияния общинно-бытового сознания в обществе, т.к. главный темой его является призыв: «после нас хоть потоп».

Рост влияния обыденного сознания, наполнение его эрзацами науки, искусства, религии происходит и в развитых странах. Эта тенденция может быть

названа «варваризацией культуры», когда последняя обращается к более ранним и пассивно-агрессивным формам взаимодействия со временем. В этом случае научное сознание как конструктивное отношение ко времени выхолащивается. При этом не только массы людей, но и многие ученые становятся лишь «пользователями» алгоритмов науки – без понимания ее смысла. Представляется, что в полной мере возрастание роли обыденного сознания наблюдается и в современной России.

После многочисленных потрясений и радикальных перемен базовые ценности перестали представлять стройную систему и не составляют в массовом сознании россиян органическое единство. Наблюдается существенное смешение понятий, что выражается в изменчивости и дифференцированности представлений россиян о формах реализации базовых ценностей под влиянием многочисленных и разнонаправленных информационных потоков. При этом рассогласованность существует главным образом на уровне политических представлений граждан о том, кто и как может реализовать их потребности в контексте социокультурных ценностей. «С одной стороны, общество в большинстве своем доверяет самому высшему должностному лицу в стране и согласно с его деятельностью. С другой – социум зачастую не согласен с правилами жизни, которые продуцирует та же власть» [Зеленко 2018: 37].

Как отмечает А.В. Селезнева, «ценностное состояние нашего общества можно характеризовать термином “аномия”, рассматривая его как ценностную рассогласованность между разными уровнями политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями, элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами)» [Селезнева 2015: 163].

В условиях подобной аномии как раз и выходит на первый план обыденное сознание. Как отмечалось выше, одной из его важнейших характеристик является ограниченный временной горизонт применительно и к прошлому, и к будущему. Это означает, что при принятии политических решений (в первую очередь при голосовании на выборах) большинство россиян руководствуются преимущественно так называемыми сиюминутными соображениями. Российская власть всех уровней успешно использует и развивает данный дискурс. В период избирательных кампаний увеличиваются выплаты бюджетникам, ремонтируются дороги, демонстрируется другой позитив. Поскольку реальной оппозиции существующей власти массовый избиратель фактически не видит, то выбор для него очевиден.

Разумеется, политическое поведение россиян определяется многими факторами, и ни один из них не стоит абсолютизировать. Вместе с тем расширение сферы обыденного сознания в иерархии социокультурных ценностей можно считать одной из скреп современного политического режима в нашей стране.

Список литературы

Аубикерова Э.Ф. 2013. *Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова)*: дис. ... к.и.н. Саратов.

Балабай С.В. 1990. *Социокультурная детерминация научных концепций времени*. Саратов: Изд-во СГУ. 19 с.

Балабай С.В., Ежов О.Н. 2017. Темпоральные коннотации политического капитала. – *Власть*. № 5. С. 176-181.

Демидова Е.И., Николаев А.Н. 2016. Социокультурные ценности как фактор российского политического процесса. – *Власть*. № 4. С. 14-20.

Зеленко Б.И. 2018. Политическая нормативность становления общественного согласия. – *Власть*. № 3. С. 32-37.

Левада Ю.А. 1993. Центропериферийные структуры в социальной морфологии. — *Статьи по социологии*. М.

Селезнева А.В. 2015. Российское общество сегодня: аномия, ценностный раскол или консенсус. — *Идеи и ценности в политике*. М.: РОССПЭН. С. 156-163.

BALABA Svetlana Valer'evna, Associate Professor of the Chair of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Saratov Socio-Economic Institute – the branch of Plekhanov Russian University of Economics (89 Radischeva St, Saratov, Russia, 410003; narrativ63@mail.ru)

ABUBIKEROVA El'mira Faritovna, Cand.Sci. (Hist.), Lecturer at the Chair of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Saratov Socio-Economic Institute – the branch of Plekhanov Russian University of Economics (89 Radischeva St, Saratov, Russia, 410003)

THE GROWTH OF INFLUENCE OF ORDINARY CONSCIOUSNESS ON THE POLITICAL BEHAVIOR OF THE RUSSIANS

Abstract. *The article actualizes the sociocultural analysis of the power phenomenon in the context of time modalities that are a measure of public consciousness. The interaction of power and society is considered in the context of the hierarchy of forms of social consciousness. The authors note the growing role of ordinary consciousness in modern Russia. This provides a flexible adaptation to the circumstances of life, but significantly reduces the rationality of political behavior.*

Keywords: *political power, public consciousness, sociocultural analysis, basic values, political behavior*

УДК 24-17

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ДЖАМБУДВИПЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЯХ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. *В статье на материале монгольских народов рассматривается Джамбудвипа и ее категориальные смыслы, которые всегда представляли особый интерес для исследователей, занимающихся пространственными, временными и мифологическими представлениями индийских, тибетских и монгольских этносов о мире, где обитают люди, – сансаре. Буддийские космологические и космогенетические идеи в контексте Джамбудви́пы адаптировали не только региональные и локальные культы монгольской метаэтнической общности, но и трансформировали их традиционное мировоззрение в целом.*

Ключевые слова: *монгольские народы, космология, космогенетика, мифологические категории о сансаре – мире людей, Джамбудвипа, политические, социальные и сотериологические контексты Джамбудви́пы*